

The book cover features a dark, atmospheric illustration. In the upper center, a winged figure with a crown and glowing green eyes flies towards the viewer. In the lower foreground, the back of a person with long, flowing blonde hair and a red scarf is visible. To the right, a white goat with glowing green eyes stands on a path. The background is a dark forest with glowing orange and red lights, possibly fire or magical energy. Pumpkins are visible in the bottom right corner.

16+

НЕПРОГЛЯДНАЯ ЖИЗНЬ

Алиса Скрижалина

Алиса Скрижалина

Непроглядная жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68301725

SelfPub; 2022

Аннотация

Настасью жизнь не баловала: умерла любимая бабушка, муж ушёл, да и в стране не лучшие времена настали. Не осталось в мире места, где бы её ждали и любили, поэтому приехала она в Глубинки. Хоть и вымирала маленькая деревня, но именно тут хранились её последние теплые воспоминания. Только вот рады ли её приезду истинные обитатели Глубинок? Так ли тихи деревенские ночи?

Алиса Скрижалина

Непроглядная жизнь

Старенький скрипучий автобус хмурого оранжевого цвета ехал по ухабистой пустынной дороге. На следующей же кочке я смачно приложилась лбом о стекло и замычала, потирая холодной рукой ушиб. Доигралась, теперь будет синяк. Опять провалилась в свои горести и печали, воображая себя героиней мелодрамы.

За окном багровели заброшенные виноградные поля, уходящие за горизонт прямо в серое небо. По другую сторону сквозь кровавые листья редких кустиков дикой скумпии можно было разглядеть корявые крючковатые деревца – персиковый сад, давно не выдавший заботливой человеческой руки. Я ещё помнила, как красиво там может быть, как опадают нежно-розовые лепестки на ещё непрогретую землю, как тяжелеют изящные ветви под румяными сочными плодами, и как я безудержно смеялась, пока бабушка силилась поймать свою шепутную маленькую внучку.

Запустение пришло сюда незаметно, но очень быстро, как и во всю страну. Потом, конечно, стало легче, но новые напасти не заставили себя долго ждать: военное положение, кризис, мой развалившийся брак и смерть бабушки. Болезнь подтачивала её, по меньшей мере, года три, но никакие увещевания, мольбы и слезы не склонили мою волевою род-

ственницу обратиться к врачу. «Старость – это не болезнь, дитяtko, это часть жизни. Сотый десяток разменяла. Покопчу еще небо три весны, а летом, дай-то силы земные, и упокоюсь» – вот и весь её ответ. Так и вышло. Три месяца назад бабули не стало, тихо и мирно отошла в мир иной в своих любимых Глубинках. Следуя её прижизненным наставлениям, похороны прошли на местном погосте. Народу, правда, было немного. Да и кого тут было звать, если деревня почти вымерла? Пара местных мужиков, дабы было кому гроб в могилу спустить, и единственная бабушкина подруга Глаша.

Недовольное кряхтение водителя автобуса вырвало меня из не самых приятных воспоминаний. Я оглядела пустой салон. Одна осталась, оттого и вздыхает этот немолодой уставший мужчина. Ему бы уже ехать обратно, закончить чуть пораньше последний рейс в эту глухомань и вернуться домой.

Наши взгляды встретились в зеркале заднего вида, и водитель всё-таки решил поинтересоваться:

– Вы где выходить-то будете, барышня?

– В Глубинках, – призналась я.

– Разве ж там ещё кто-то живёт? – подивился тот.

– Живет. И я немного поживу, – сообщила с горечью в голосе.

– Ладно, довезу, – махнул рукой мужик и сосредоточился на маневрировании между дорожными ямами.

Обогнув лысый холм, автобус перестал так обречённо сотрясаться, ведь даже самые отчаянные туристы редко забре-

дали в эти места, так что портить этот отрезок грунтовой дороги попросту было некому.

Сквозь осеннюю дымку, наконец, прорисовались очертания знакомой горы, у подножья которой раскинулся буковый лес и маленькая неприметная долина, в уютной глубине которой расположилась деревня Глубинки.

Я вышла у пожелтевшей лесной опушки рядом с полуразвалившейся стеной, некогда бывшей остановкой общественного транспорта. Вытащила ручку своего дорожного чемодана и потащила его по узкой тропинке – самому короткому пешему пути, ведущему напрямик в деревушку.

Погодка была скверная, туманная. До темноты оставалось ещё часа три, но солнечный свет никак не хотел прорываться сквозь низкие пепельные тучи.

Единственная улица в Глубинках, по своему обыкновению, была пуста. Бабушкин дом располагался у самой кромки букового леса, поэтому далеко идти не пришлось. Открыла ржавую задвижку низенькой калитки и вошла во двор. Озябшей рукой полезла во внутренний карман джинсовой куртки и достала большой ключ. К моему удивлению, старый замок легко провернулся, впуская меня внутрь.

Оказавшись в прихожей, щёлкнула электрический рубильник возле счётчика, зажгла свет и вошла в единственную в доме комнату, посреди которой красовалась беленая русская печь. Вот и добралась.

Хотелось согреться, но колоть дрова не было никаких сил,

оттого полезла под кровать и вытащила пыльную коробку с новым электрочайником. Бабуля всегда с благодарностью принимала подобные подарки, но никогда ими не пользовалась.

Захватила небольшое ведро у печи и пошла за водой к колодцу. Остановилась на заднем дворе, гадая, как бы мне пробраться сквозь эту необычайную сказочную картину: весь огород затянули непролазные тыквенные заросли. Множество оранжевых и белесых головок хаотично лежали на ковре из переплетенных между собой подсохших мощных стеблей. Кустики явно вышли из-под контроля, воспользовавшись отсутствием в доме хозяйки. В этом году тыква – единственное, что успела посадить бабушка, кинув семена в землю ещё в начале апреля, ведь тепло на юг приходит довольно рано. В мае она уже почти не выходила на улицу, болезнь быстро забирала последние жизненные силы. Я ухаживала за ней полтора месяца до самой кончины, на огород не обращала никакого внимания – было совершенно не до этого. В это же время мой, как мне представлялось, благоверный муж сообщил по телефону, что подал на развод. Поэтому сразу же после похорон бабушки я уехала обратно в город спасать свой брак. Зря спешила – спасать давно было нечего, моё отсутствие в течение нескольких недель было лишь удобным поводом.

Сжала ручку ведра покрепче и пошла напролом, осторожно переставляя ноги по тыквенному царству. Добравшись до

колодца, оглядела двор ещё раз: на груше всё ещё висело несколько рябых плодов, а вот чернослив давно скукожился и осыпался. У метрового каменного заборчика обильно цвели белые и бордовые хризантемы, но настоящая красота начиналась за маленькой калиткой из деревянного штакетника, за которой ослепительной красочной палитрой пестрили старые и молодые буковые деревья, соседствующие с редкими дубами и липами.

Согревшись большой кружкой горячего травяного чая, пошла к дому бабушкиной подруги, дабы сообщить о том, что поживу здесь некоторое время. Мне бы хоть иногда с кем-то поболтать в этой глуши. Тетя Глаша – веселая и отзывчивая старушка, чьи удивительные вкусные пирожки с грецким орехом я любила с самого детства, ведь такой необычной выпечкой меня потчевали только в Глубинках. Зашла во двор и невольно залюбовалась двумя высокими крепкими орехами с ярко-желтой листвой, которая осыпалась на крышу скромного домика.

– Теть Глаша, здравствуйте! Это Настасья, – постучалась в дверь.

Никто не отвечал. Стукнула чуть громче и дернула за ручку – закрыто. Смятенно оглядела двор: никто не сметал листву с порога, а под деревьями в траве виднелись упавшие созревшие орешки, которые никто не собрал. Недоброе предчувствие поселилось в моей груди. Я заглянула в мутное окошко, пытаюсь разглядеть обстановку. Всё было на своих

местах, но жизни в домике не наблюдалось.

– Эй, Настасья, это ты что ли? – окликнули меня.

У забора стоял сосед дядя Петя – ещё один местный одинокий старожил. Жена бросила его около двадцати лет назад за его категорический отказ разлюбить самогон. Жалел ли он, что когда-то сделал такой выбор мне неизвестно, но отношения со спиртным у него действительно сложились крепкие.

– Здравствуйте, – подошла ближе. – Я к тётё Глаше пришла. Случайно не знаете, где её можно найти?

– Знамо дело, где – на погосте, – простодушно хекнул дед. – Померла Глашка. Чуть более месяца прошло, как Варвару, бабушку твою, проводили на тот свет, тут и Глафира сдала, затосковала по подруге. Дочери её звонили, но ей оказалось не до хворой матери, своих проблем, мол, хватает. Да и что тут удивительного? Она в Глубинки не приезжала ещё с тех пор, как замуж вышла. А тут ещё и время такое настало... Эх, гадость, а не время! В общем, схоронили Глашку как смогли. Общими усилиями, так сказать.

Осунувшийся старик выразительно махнул рукой, а я замерла в разъедающей душу пустоте.

– Понятно, – всё, что смогла ответить.

– А ты тут чего?

– Поживу немного.

– Ну, поживи, коль так решила, – одарил меня подозревающим прищуром сосед и похромал в свою хату, кутаясь в

прохудившийся тулупчик.

Я упала на колени прямо в ореховую листву и зарыдала. Я больше не могу! Всё это было слишком для меня. Слишком много холода и горя. Жизнь выедала из меня последние светлые воспоминания ржавой ложкой. Разве эта улыбчивая старушка заслужила уйти на тот свет в таком беспросветном одиночестве? Внутри меня всё было чересчур оголено, чтобы я смогла отгородиться от этой новости. Словно несчастная истощённая дворняжка я пришла к дому, где когда-то ко мне проявили доброту, в поисках толики тепла и ласкового взгляда, но открывать дверь уже было некому. А я ведь даже не смогла сказать, как благодарна за то, что она была частью моего безоблачного яркого детства, что она всегда отвечала улыбкой на улыбку, что поддерживала мою бабушку до конца её дней. Мне уже никогда не отплатить ей за это. Никогда.

Запрокинула голову и посмотрела в темнеющее серое небо в надежде на какой-то проблеск уходящего солнца, а может для того, чтобы ещё раз убедиться в беспросветности этого мира. Мои мотивы были не ясны мне самой. Зачем я приехала сюда? От этой тоски не убежать, она стала частью меня, заполнила собой пустующее пространство, и я заранее знала, что не было никакого смысла в этом побеге. Страшно лишь от того, что истинной целью моего появления в Глубинках, вероятней всего, было не исцеление, а избавление. Избавление на веки вечные, в самом нелицеприятном смысле. Эти крамольные мысли хранились в моей голове за семью

замками, и я опасалась слушать их манящий шёпот.

Поднялась на ноги. Дышала тяжело и прерывисто. Мне просто нужно поспать, чтобы скопить хоть немного сил на ещё один день.

Стемнело быстро, как обычно бывает в это время года. Переделась в теплую мягкую пижаму и залезла на панцирную кровать, стоящую у стены, на которой висел выцветший гобелен с оленями. Ватное одеяло приятно окутало меня своей тяжестью, под таким не замерзнешь даже с нетопленной печью. В сон провалилась, словно в бездонную яму.

Пробирающее изнутри скрежетание по оконной раме вынудило меня проснуться. Сонное марево медленно покидало моё сознание. Что за звук? Ночные птицы царапаются у окна? От гнетущей полуночной тишины аж в ушах звенело, поэтому очередной нервный скрежет заставил меня поморщиться и передернуть плечами. Потянулась за телефоном, придерживая край одеяла, чтобы оно не спало с плеч. Сжав в руке гаджет, явственно ощутила, как кровать подо мной продавливается ещё ниже, и как поскрипывает пружинная сетка. За моей спиной у старого гобелена кто-то лежал.

В груди всё болезненно сжалось и заледенело, горло сдавил колючий ком. Этого не может быть. Зачем кому-то ложиться рядом со мной? Я точно помнила, что закрывала внутреннюю задвижку, и я не слышала никаких шагов. Но булькающее хриплое дыхание, раздающееся позади, разбило вдребезги мои попытки себя успокоить. Моё тело об-

мякло от невыносимого ужаса, мурашки острыми иглами пробежались от затылка до поясницы.

Одеяло натянулось и начало сползать с моей спины, а я продолжала держать его за самый краешек, не позволяя исчезнуть единственной мнимой защите. Бог мой, что же делать? Нужно бежать...но парализующая оторопь предательски не отпускала меня, вот и пальцы вконец ослабли, выпуская одеяло.

Я всё ещё сжимала холодной рукой телефон. Приложив немало усилий, нажала на кнопку разблокировки, и в лицо ударил тусклый свет экрана. Рука тряслась как ненормальная, и не было никакой возможности остановить эту лихорадочную дрожь. В этот же миг комнату заволокло трупным смрадом, осевшим в моём горле и легких. Резкая одуряющая тошнота помогла прийти в себя. Я выскользнула с кровати, падая на пол и отползая к противоположной стене. Прижалась спиной к комоду, губы неразборчиво шептали выдуманные на ходу молитвы. Желудок скрутило с новой силой и меня всё-таки вырвало, но это никак не облегчило моего состояния. Вонь была нестерпимой! Могильный запах разложения, помноженный во сто крат, выедал даже глаза.

Кровать вновь скрипнула, привлекая к себе внимание. Шаркающие шаги были неторопливыми, но неумолимо приближающимися. Осознав неотвратимость встречи, моя дрожащая рука поднялась вверх, подсвечивая смартфоном комнату.

– Тетя Глаша?.. – просипела я.

Вспухшее тело старушки в простеньком цветастом платье и платке, сползшем с седой растрепанной головы, медленно и тяжело передвигалось по тёмной комнате. Она вытянула угловатые скрученные руки, озираясь по сторонам своими пустыми глазницами, хлопая ссохшимися веками.

– Настасья, – прокаркало тело незнакомым голосом, – не вижу тебя. Иди обниму.

Воздух пропал из моих легких, вдохнуть не получалось – грудь свело резким жгучим спазмом, а меня всю затрясло. Паника окончательно захватила меня. Я не могла кричать, но и смысла в этом не было – никто бы не услышал, никто бы не помог.

– Чего молчишь, лахудра? – озлобленно прорычала старуха. – Приехала зачем? Волосы русые распустила, глазами змеиными смотришь. Не нужны тебе глаза, ничего тебе уже не нужно. Отдавай мне.

Смартфон выпал из моей руки и погас. Я закрыла ладонями свое искаженное ужасом лицо, мечтая просто потерять сознание, думая лишь о том, как скоро найдут моё тело. Вспомнит ли дядя Петя, что я приехала в Глубинки? Больше ведь никто не знает. Некому было говорить, никому нет дела.

Воробьиное чириканье донеслось до меня будто бы издалека. Гул маленьких шевотных птичек, проживавших под крышей бабушкиного дома, становился всё сильнее, прорываясь в моё сознание. Я убрала с лица влажные ледяные ла-

дони – в комнате было светло и пусто. Что происходит? Я всё-таки сошла с ума? Не так я представляла себе безумие.

Сидела на полу и настороженно рассматривала обстановку, не доверяя собственным глазам. Настенные часы показывали семь утра. Телефон по-прежнему лежал на тумбочке у кровати. Глянула в сторону, туда, где меня только что стошнило – ничего нет, чистые половицы. И мерзкого запаха больше не было.

Встала и посмотрела в окно: желтое осеннее солнце уже осветило верхушки деревьев, там же заметила стайку воробьёв, радующихся новому дню и теплым нежным лучам. Действительно утро. Что за загадочный провал в памяти? Слишком реалистичный ночной кошмар или извращенная форма сонного паралича? Я сомневалась в себе и собственном разуме.

Выйду на воздух, и всё прояснится.

Вместо завтрака зачерпнула кружкой воды из ведра, натянула куртку и пошла на задний двор. Прошла по тыквенному полю и добралась до калитки, замечая, что жизнелюбивая тыква протянула свои стебли сквозь штакетник, уползая в сторону леса. Вышла со двора, глубоко вдыхая особенный осенний воздух. Он пах свежо и сладко, терпкими пряными нотками опадающей листвы, сырой земли и утреннего тумана, осевшего в ущельях. Улыбнулась двум маленьким тыковкам, решившим вырасти в совершенно неподходящем для этого месте – на лесной дорожке.

Прошла вглубь, раскидывая ботинками ковер из огненных листьев. Туманное марево разбавляло ослепительные краски густой растительности, превращая пейзаж в акварель.

Осень стояла непроглядная. Непроглядная, как моя жизнь.

Отыскала заросшую тропинку, по которой часто бегала в детстве, и спустилась в деревню.

Мне действительно стало лучше, спокойней. Пережитый ужас уже не казался чем-то мистическим и невероятным. Игры уставшего разума, впечатленного известием о смерти хорошего человека, не иначе.

На привычно безлюдную улицу вышел дедок, оглянулся и, заметив меня, пошаркал навстречу. Он был невысокого роста, немного сгорблен, опирался на большую извилистую палку. Белая приглаженная борода доставала до груди. Кажется, я знала его, но никак не могла уловить эти воспоминания.

– Доброе утро, – поздоровалась первой.

– Доброе, – горько вздохнул старик. – Дочка, ты козу мою, случаем, не видела? Белая такая, с серым пятном на лбу. Сёдушкой кличут.

– Дедушка, прости, но я сегодня никаких коз не встречала, – развела я руками.

– Ай-яй-яй, вот беда. Нельзя мне без козы. Как же я без козы? – принялся он причитать, покачивая головой.

Коза. Точно! Вспомнила, где я видела этого пожилого мужчину – на похоронах бабушки. Он скромно стоял за покосившимся кладбищенским заборчиком, держа на привязи норовистую козу. Глядел издалека и что-то бормотал. Хотела пригласить его на поминки, но он быстро куда-то исчез.

– Найдется Ваша Сёдушка, не волнуйтесь так, – попыталась успокоить старика.

– Найдется-найдется, Настасьюшка, – покивал тот.

– Вы знаете меня?

– Глафира мне о тебе сказывала, переживала она очень за судьбу твою.

– Ясно. На то она и бабушка, чтобы переживать. Была. Теперь уж некому.

Дедок посмотрел на меня с небывалой тоской, в его удивительно молодых голубых глазах стояли слёзы.

– Переживает, всё ещё переживает. Я-то знаю, – горячая узловатая рука сжала мою ладонь. – Негоже так думать, дочка.

Столько силы было в этих натруженных сухих руках, столько жизни, даже несмотря на легкую старческую дрожь. Стало стыдно, что беспомощный старик пытается взбодрить и поддержать молодую здоровую девушку. У него ведь, наверняка, кроме этой несчастной козы никого нет, иначе не жил бы он в вымирающей деревне у чёрта на куличках. Мне ли тут жаловаться на одиночество?

– Я попробую поискать Вашу козу, – заверила я, улыбну-

лась и сжала его руку в ответ. – Куда её привести, если найдут?

– Вот мой двор, Настасья, – кивнул он в сторону. – Сюда и приводи, коли отыщется, да сама в гости заходи. Дед Беляй меня зовут. Раньше кузнецом здесь работал, теперь вот старость свою проживаю.

Я поторопилась вернуться домой. Сlopала два бутерброда и собралась на поиски. Раз уж пообещала – нужно постараться.

Давно не было такой прекрасной погоды: чистое лазурное небо, бархатное солнце и прозрачный воздух.

Для начала осмотрела опустевшие дома, сараи и дворы, потом отправилась на горку в заброшенные сады. Отсюда открывался прекрасный вид на скалистые обрывы и разноцветное лесное полотно, а если присмотреться, то чуть правее у горизонта можно было заметить тонкую светящуюся полосу моря. Если бы не зловредная коза, ни за что не заставила бы себя сюда подняться. Нет худа без добра. Прогулка и природа действовали на меня словно целительное зелье. Я прошлась по тихому саду и вышла на дальнее поле, но и здесь не было никаких признаков рогатой бестии.

Обошла деревню с другой стороны, прогулялась вдоль дороги и свернула с лес. Вновь позвала козу – без толку, как в Лету канула. Настроение вновь погасло, жалко мне было того старичка, да и времени на бесполезные поиски ушло немало. Не люблю я, когда не могу выполнить свои обещания.

Солнечный диск уже подполз к горному хребту, и величественная тень накрыла Глубинки. Сразу же похолодало.

Раздосадованная и уставшая зашла во двор. В доме по-прежнему было прохладно. Села за стол у окна и провалилась в свои мысли, наблюдая, как стремительно темнеет безоблачное небо и как с горы сползают привычные туманные волны, накрывая долину.

Отчаянное и протяжное козье блеянье донеслось со стороны леса. Она совсем близко! Быстро прыгнула в ботинки и побежала за калитку.

– Седушка, ты где? Иди сюда, моя хорошая.

Я поежилась, жалея, что не захватила куртку. В лесу было прохладно и влажно, а тонкий свитер совсем не согревал, спасал только длинный шерстяной шарфик, который я не успела снять.

– Ну где же ты, беда с рогами? – всматривалась в мрачные лесные тропинки. – Седушка!

Коза вновь отозвалась, и я пошла на звук, уходя по дорожке вглубь туманной чащи. Не заблудиться бы, ночной лес способен сбить с пути даже местного жителя, особенно осенью. Силуэты знакомых деревьев и ландшафтов быстро видоизменяются, опавшая листва скрывает опасные ямы, валуны и тропинки. Вот и сейчас лес казался мне совершенно не таким, каким я видела его при свете дня. Наслаивающийся туман стирал и без того смутные очертания, а шорохи срывающихся листьев, доносящиеся отовсюду, будоражили

фантазию.

Я вышла к большому старому буку, напоминающему ветвистые олени рога, под которым происходили странные телодвижения и звуки. Всё, что я смогла разглядеть – это белоснежную козью шкурку, которая почти светилась во мраке.

– Седушка, ты что там ищешь? – я поспешила подойти ближе и обомлела.

Большая серая птица сидела ко мне спиной, а под её гигантскими когтистыми лапами лежала окровавленная козья тушка с распоротым брюхом. Рогатая голова безжизненно покоилась на окропленных кровью листьях, язык вывалился наружу, а глаза смотрели на меня с замершим в них предсмертным ужасом. Птица жадно рвала её плоть, заглатывая куски с особенным аппетитом.

Неужели гриф спустился ночью с горы? Я слышала, что они очень крупные, но и представить не могла, что им под силу убить козу. Да и разве они питаются не падалью?

Прошло несколько секунд, прежде чем я поняла, что передо мной вовсе не гриф, а нечто не поддающееся объяснению. Птица взъерошила свои перья и развернулась в мою сторону. В её ярких желтых глазах вспыхнул мистический огонь. Я сощурилась на короткий миг, а потом увидела прекрасное женское лицо, обрамленное длинными темными локонами. Её голову венчала золотая корона. Она растянула в жуткой улыбке свой клыкастый рот, испачканный свежей кровью, прыгнула с Седушки и расправила длинные мощ-

ные крылья.

Липкий панический страх растекся по моему телу.

– Человечка, – произнесла она хрустальным голосом, – а ты подросла, мяском нежным обросла. Теперь и поохотиться на тебя можно.

Я помнила эту птицу! Однажды ночью, будучи ещё совсем крохой, я гостила у бабушки и услышала странный шум. Тихонько встала с кровати и выглянула в окно: в огороде сидела большая красивая птица с женским лицом, которая ела яблоки прямо с дерева. Она словно учуяла мой взгляд, оскалилась и хлопнула крыльями, улетая со двора. Поутру я всё рассказала бабушке, но она заверила меня, что это был всего лишь сон. Я и сама так думала, ровно до этого мгновения.

Сделала несколько шагов назад, отстраняясь от чудища, которое приближалось ко мне.

– Беги, человечка, если жизнь мила, – игриво и самодовольно произнесла она, оттолкнулась от земли и ринулась в мою сторону.

Я опрометью кинулась наутёк, быстро перебирая ногами в тяжелых ботинках. Бежала в сторону дома. Ничего не слышала, кроме биения собственного сердца и надрывного дыхания. Страшно было обернуться и увидеть, что это происходит на самом деле.

Впереди показалась калитка заднего дворика, рядом с которой стояла мёртвая тетя Глаша. Будто встречая меня, она развела свои руки в стороны.

Не осознавая себя от ужаса, свернула с дорожки влево, прямо в лощину. Скатилась со склона, упав в скопившуюся там сухую листву, достающую мне почти до пояса. Осмотрелась по сторонам: птица здесь не пролетит, слишком густо росли молодые деревца.

Попыталась отдышаться, но сдавливающий изнутри нервный ком не давал вздохнуть. Завтра же уберусь из этих проклятых Глубинок! Знала же, что всякая чертовщина здесь творится. Зачем только приехала? Разве что затем, чтобы превратиться в ещё одну чокнутую местную бабку. Нет уж, далеко мне ещё до бабки, двадцать восемь только исполнилось.

Разгребая листву руками, пробиралась в сторону деревни. Пальцы коснулись чего-то подозрительно холодного и большого. С опаской расчистила верхний слой ещё не слежавшихся листочков и резко отпрянула в сторону. Не может этого быть! Не может!

В лощине лежало тело молодой девушки. Моё тело. Бледное лицо казалось спокойным, а побелевшие рыбы глаза смотрели куда-то вверх. Светлые русые волосы беспорядочно раскинулись по сторонам. Тонкий свитер был точно таким же, как и мой, а на заледеневшей руке красовалось обручальное колечко. Я ведь тоже ещё его не сняла, непривычно было без кольца.

Моё оцепенение длилось слишком долго. Я внимательно рассматривала девушку, пытаюсь убедиться, что между нами

нет ничего общего, что она совершенно на меня не похожа. Но это было не так.

Глупость. Лес вновь играет со мной в дурные виденья. Вот и рассвет наступил слишком быстро, как и в прошлый раз.

Я обошла тело и больше на него не смотрела. Выбралась из лощины, отряхнулась и спустилась в деревню.

Словно оглушенная, дошла до своего дома. У забора стояла совершенно живая Седушка и беззаботно поедала пожухлую траву. Кинулась к ней и обняла как родную. Так и знала, что это всё морок! Коза живая, и мне, стало быть, нечего быть мёртвой.

Ухватила её за оборванную веревочку и повела к деду Беляю. Выполню своё обещание и поспешу на утренний автобус. Ноги моей здесь больше не будет.

Старик увидел меня издалека и заулыбался, засуетился. Мы помахали друг другу, он забежал в свой маленький домик, а после вышел встречать нас у калитки.

– Нашлась, голубушка! Седушка моя, – дедушка смахнул слезу и осторожно взял у меня веревку. – Не смогу я тебя достойно отблагодарить за такую услугу, дочка. Возьми хоть хлеб, только из печи достал.

Он протянул мне ароматную круглую головку. Я бы отказалась, если бы не видела, как это важно для него, как подрагивают его старые руки, всё ещё способные испечь сладкий хлеб.

– Благодарю, этого вполне достаточно. Очень вкусно пах-

нет, – устало усмехнулась я.

– Доставила тебе хлопот эта негодница?

– Есть немного. Вы её покрепче привязывайте. А то здесь птицы хищные с гор прилетают, как бы не напали.

– Птицы? – будто догадавшись о чем-то, переспросил Беляй. – Ты про Сирина? Опять с подружкой своей виделась, хулиганка старая? – обратился он к козе, дернув веревочку. – Напугали тебя, поди, Настасьюшка? С этих аферисток станется. За Седушку волноваться не стоит, её саму здесь каждая тварь побаивается. Ты себя лучше побереги, печь в доме затопи – живой огонь никакую нечисть ко двору не подпустит.

– Спасибо за совет, – растеряно отозвалась я.

Кажется, старик понимал в местной фауне куда больше моего.

– Может, подскажите, что с неупокобенными гостями делать? – решила поинтересоваться.

– Так нет в деревне неупокоенных, и мёртвых тоже не бывает, не такая здесь земля. Разве что обеспокоенные есть. Ты бы мысли дурные из головы выкинула, тогда бы они не волновались. Жизнь-то может быть непроглядной, но она всегда остается большой ценностью. Даже после смерти, – хитро подмигнул старик. – В гости зайти не хочешь?

– Нет, мне нужно идти, – попятилась я. – Всего доброго.

Столь странной беседы у меня ещё никогда не было. Нужно поторопиться, не хотелось бы здесь задерживаться. Толь-

ко есть хотелось неимоверно, с последнего бутерброда прошли целые сутки. Я поднесла к лицу булку хлеба, сжала её до хруста и откусила. Вкусно, аж глаза прикрыла от удовольствия. Бабушка пекла такой же вкусный хлеб, в печи он всегда получается каким-то особенным.

Распахнула глаза и не узнала Глубинки: дома стояли совсем новые, прежде косые заборчики стали ровными и выкрашенными. В заброшенных дворах теперь бурлила жизнь, бегали курочки, созревал поздний виноград и яблоки.

– Настасья, тебя бабушка ждёт! Поторопись.

Я обернулась – у своего дома стояла помолодевшая тетя Глаша, а рядом её давно погибший муж. Он приобнял её за талию, а она опустила голову ему на плечо совсем как влюбленная девушка.

Много знакомых и совершенно незнакомых мне людей приветствовали друг друга, переговаривались, обсуждали урожай. Деревенская идиллия источала умиротворение и простое человеческое счастье.

Бабушка! Я побежала в домик на окраине, ворвалась в комнату и окунулась в тепло и аромат тыквенного пирога. Горела печь, а бабушка, живая и здоровая, подкидывала в устье дрова.

– Бабуля! – кинулась к ней и крепко обняла, будто не видела её целую вечность.

– Настасья, ты что, уезжать собираешься? – строго спросила она.

– Нет, бабуля. Ещё поживу. Поживу.